

Камран НАЗИРЛИ

МОЯ ДРАГОЦЕННАЯ

Соседские ребята, пришедшие встречать вернувшегося домой из госпиталя газы, резвились, размахивая трехцветными флагами, и время от времени то по-рози, то хором кричали: "Карабах - это Азербайджан!", "Слава нашему газу!", "Шехида бессмерты, Родина неслемляна!". Была среди дышащей безмятежной радостью толпы, состоявшей из соседки и родственников, девушка небольшого роста, в белоснежном покрывале; она не смеялась, не размахивала руками, а стояла смущенно за толпой, рядом с соседскими женщинами и смотрела на ликующую, время от времени подпрыгивавшую белую маску, соскальзывающую с ее маленького округлого носика и открывающую взором ненакрашенные губы. Ее глаза, видевшиеся над маской, словно стали ярче, а в утешении в последние месяцы взгляды проснувшая улыбка. С тех пор, как скользящий и безразличный мир был охвачен пандемией вируса, даже в сельской местности людям не разрешалось выходить на улицу и находиться в местах скопления без масок. Но сегодня мало кто был в маске; толпе было не до этого - все деревья собралась здесь, чтобы встретить героя села - отважного газы.

Невозможно было равнодушно смотреть на пожилую женщину, стоящую среди толпы - ее засеребрившиеся волосы беспорядочно выбивались из-под черного платка, окрашенного альми цветами, глаза, покрасневшие от слез радости, блеснули, а лицо светилось гордостью. Женщина была матерью газы. Она обнимала сына, улыбающегося, как невинного дитя. Близкие и родственники один за другим подходили, чтобы обнять и поцеловать парнишку. Кто-то поднял руки к чистейшему небу деревни (в деревне и земля, и небо чисты!) и взмолился:

- Хвала Всевышнему! Слава Тебе, Господи! Ай Месме, слава Богу, вернулись твой мальчик домой, живой и здоровый!

Ворота были открыты настежь; серая "Волга" въехала во двор, полный людей. Высокий бордюрный мужчина (видимо, из близких к семье людей) тащил с лестницы, простирающегося до подошвы зеленых гор, к машине, под ноги газы барашка с красной ленточкой на шее. Тархаше, даскающие землю лучи зимнего солнца отражались в глазах барашка; глаза животного, не желавшего быть принесенным в жертву гневно пламенеди, казалось, это утомило бордюрного худого мужчину. Наконец барана зарезали, одна из пожилых женщин обмакнула палец в кровь и помачала лоб газы; кто-то даже зажег пучок руты от дурного запаха и дынул душистыми и дымным запахом в лицо пареньку. А паренек беспомощно улыбался, глядя всем в лицо, словно впервые за двенадцать лет вклился в этот дом, видел так много людей и слышал шум-гам.

Одна из соседских женщин повернулась к девушке в маске:

- Бедная Месме! Горь-то какое! Хорошо еще хоть руки-ноги на месте. Говорят, память тоже со временем восстанавливается...

- Конечно, конечно, - уверено прошептала девушка.

- Эй-Богу, даже не верится, - подключился к беседе другая соседка, съезжившаяся от холода. - Говорят, каких только врачей ни привозили, все без толку. Погляди, как смотрит на людей, как милахольный... Начисто память отшибло...

Чуть поодаль молодая женщина в черной маске и очках громко говорила стоящему рядом представителю муниципалитета:

- Видите ли, Мамед муаллим, потеря памяти обычно свойственна пожилым людям. Зачастую они тащат с собой в будущее тягостные воспоминания молодости и уже в старости отвечающие за память центры мозга не выдерживают этого груза...

Девушка в белой маске тотчас обернулась назад и заметила, что сотрудник муниципалитета внимательно смотрит на толпу, однако кивает женщине, словно понимает все сказанное ею. Женщине было примерно тридцать-тридцать пять лет, очевидно она была не местная, видимо, прибыла из города. "Худощая как тростинка! Если бы не теплая черная куртка на ней, можно было подумать, что она година живет впроголодь!". Девушка в белой маске навестила уши, как кошка.

- Конечно, это одна из многих причин, - продолжала приезжая женщина. - Положение Ильхама Теймурова совершенно отличается. Может так даже лучше пока - мозг немного успокоится; ведь он еще молод, у молодых нет груза тяжелых мыслей... Они должны очищать свой мозг от негатива и двигаться к будущему с приятными воспоминаниями...

Девушку охватило любопытство, смешанное с тревогой. Немного спустя она долго и (кто знает, с какими чувствами) смотрела вслед сотруднику муниципалитета и женщине в черной маске, покинувшим толпу и удалившимся в неизвестном направлении, усевшись в черную "Ниву".

А в сравнительно спокойном утолке двора отец газы был занят более серьезным делом - давал интервью корреспонденту местного телевидения.

- Буад у меня десять сыновей, клянусь Богом, всех дестерых отправил бы на фронт! Главное положить конец этой тридцатилетней тоске по родине и освободить наши земли...

- Победа дала цену крови наших доблестных сынов и шехидов, - перебила его журналистка в рваных на коленях джинсах, не давая пожилому мужчине закончить мысль. - Вы собираетесь обратиться в фонд УАŞАТ с целью получения поддержки для лечения вашего сына?

- Нет, доченька, - торопливо ответил отец, видимо, не до конца поняв суть вопроса. - Спасибо нашему госуларету и врачам, они сделали все возможное. Он деревенский паренек, здоровые крепкое, ничего с ним не станется. Даст Бог, и память восстановится.

Третьего ноября на пути в Шушу в пяти шагах от него взорвался российский снаряд; осколки пробрили его тело в нескольких местах, самый крупный оско-

лок попал в голову. После этого он ничего не помнил: ни то, как был доставлен на плечах боевого товарища в полевою госпиталь, ни оказанную ему первую медицинскую помощь, ни то, как его везли на вертолете в Баку, ни слов сокрушенно качающей головой медсестры: "Везите в морг, он мертв!", ни, в конце концов, крика совершенно случайно схвачившегося за его запястье в коридоре госпиталя врача-турка и его расправленного несущим его санитаром: "Стойте! Везите его обратно, в хирургию!" Он не очнулся даже после нескольких операций - впасть в кому.

Через сорок дней, когда он открыл глаза, весь госпиталь ликовал. Все выяснилось, но эта радость дилась недолго: выяснилось, что раненый никто не узнал, ничего не помнит. Нейрохирург из Измира сказал отцу раненого:

- Такое случается у большинства пациентов, вышедших из комы, и память постепенно возвращается к ним... однако может и не вернуться...

С того дня его семья переживала смешанные чувства; радость сменялась гордостью, грусть надеждой, сожалением, боль и страдания порой отарались верой, а порой стенами матери, проклинаящей весь свет, не давали покоя семье. Это случилось, когда сын не узнал ее; он то постоянно всем улыбался, то глядел подолгу в потолок, то издавал отрывистые звуки, бредил и спал помногу часов. Казалось, женщина обезумела от горя. А местные газеты и сайты тем временем писали о газы, распространяли новости о его боевой доблести, орденках и медалях. Наконец, он узнал своих родителей, по большому счету и ничего не мог вспомнить. Он забыл, где находится, даже недавнего прошлого своего вспомнить не мог. И Отечествовую войну, и своих друзей, павших смертью храбрых у него на глазах, и как громили вражеские танки и окопы, и как водружали трехцветный флаг на освобожденных ный районах, и как его боевые друзья, люкая от радости после каждой победы, пели и танцевали... он забыл все и всех.

После шумного торжества, едва стало темнеть, гости разбрелись по домам. Девушка вновь погружалась в привычную глухую тишину, рожденную ясностью последней ночи зимы.

Дом с красной черепицей и застекленным балконом был построен в старинном стиле с видом на озеро Ловайин. Семья была небогатой, одной из миллионов простых крестьянских семей, которые не могли отрешиться от повседневных бытовых забот. В задней части двора они разбили цитрусовый сад площадью около четырех соток, упрямый сад в подножии холмов. Каждый год, в канун зимы, плоды, собранные с сада, скупали по отовой цене прибывшие из районного центра торговцы. Семья жила за счет доходов от сада. Еще за несколько месяцев до войны отец, отправляя сына на военную службу, сказал жене:

- Если урожай будет богатым, построим дом для Илша в дальнем конце двора, а потом и женим. Немного приво- дит невесту в тесный дом.

- Дай-то Бог! - согласилась Месме. Для газы выделили небольшую комнату справа, окно которой смотрело на горы. Все три его сестры жили в средней комнате, а родители разместились в комнате, прилегающей к кухне. Не очень просторный застекленный балкон в пе-

редней части дома заменял гостиную. Обычно семья проводила здесь большую часть времени.

В понедельник утром к ним пожаловала вместе с председателем местного муниципалитета и давешняя врач-психотерапевт.

- Добро пожаловать! Дай Бог Вам здоровья! Мальчик как бугор в зимнюю сыняку выпал. Наверное, скоро проснется... Проходите, прону, - пригласила мать гостей в дом.

- Не беспокойся, сестра! Это хорошо, что он много спит, - сказал председатель муниципалитета с видом знающего человека и сразу же представил горожанку: - Фарид ханум прибыла из Баку, какое-то время проработав в нашей больнице. Она из воионтеров...

- Очень хорошо, милости просим, доктор! - поириветовал отец. - Эй-Богу, в этой войне каждый не союз службу, и доктора в том числе... Прону, проходите, устраивайтесь, приехали издалека, наверняка утомились в дороге, отдохните...

- Нет, нет, что вы, не беспокойтесь, это наш долг. Отважные ребята, вроде нашего Ильхама, заслуживают нашего большого внимания и заботы. Лишь бы выздоровела...

- Ох, доктор, мой сын не живет, нет, нет, это не жизнь, а существование... - расстроилась женщина и набухшие глаза ее вновь наполнились слезами. - Почами бредит, разговаривает невпопад, ничего не помнит... никого не узнает. С того дня, как приехал, всего один раз назвал меня мамой. Джан, сынок, джан, хоть бы Бог меня забрал!

- Хватит причитать, женщина, не позорь нас при гостях! Поиди, принеси чаю! - одернул ее муж.

Сестры проснулись и все трое, войдя в комнату, с интересом рассматривали молодую женщину-врача.

- Какие у вас замечательные доченьки, храни их Аллах! - сказала психотерапевт, глядя на детей.

- Спасибо, доктор, дай Бог Вам здоровья! - ответила Месме, торопливо направившая в кухню. Старшая из сестер кинулась за матерью.

Председатель муниципалитета повернул строгое лицо к самой младшей из сестер и спросил:

- А ты почему такая худая, мышляка? Ты кто, каша не суй?

Девочка молча опустила голову.

- Как тебя звать? - спросила врач, взяв девочку за руку и поглаживая ее волосы.

- Айтен. А это Айнур.

- Маншалах! Сколько тебе лет?

- Восемь. А Айнур десять лет. А Айнур будет пятнадцатилет.

- Ай маншалах! Все-то ты знаешь! - засмеялся председатель муниципалитета.

- А в школу ты ходишь?

- Нет, папаша ведь. Полиция не разрешает... И Айнур не ходит. А Айнур маме помогает.

Отец семейства вошел в комнату с подносом, полным фруктов.

- Это у нашего сада, еще с прошлого года остался на деревьях, - сказал он, показывая на апельсины и маншарины. - Попробуйте, вам у себя в городе таких не отыскать - экологически чистый продукт без каких-либо удобрений.

Фаридя взяла один маншарин, неохотно очистила от кожуры, но есть не стала.

ПАМЯТЬ

После чаепития председатель муниципалитета ушел, а врач приступила к сеансу. Провожая ее, Месме, ее муж и девочки глядели на нее с надеждой. Фарида не стала говорить недоумачно о том, что первый сеанс прошел неудачно: - Черепно-мозговая травма - нештучное дело. Пока говорит неясно, часто путается. Сеансы обязательно помогут, это работа не одного дня.

А сеансы тем временем продолжались. Вот уже более месяца, как большую не проносили других слов, кроме как "папа" и "мама", сестер не узнавал, а тети и дядей словно и вовсе не было; посетители, навещающие больного бывшие одноклассники, друзья детства - все, с труппой качая головой, говорили:

- Вряд ли память вернется к нему...
- И лекарства не помогают, некачественные, никакой пользы от них.

А старшие, бывалые женщины села думали иначе:

- Врачи, лекарства - все это чепуха, дорогие. Народная медицина - вот что ему нужно. Либо же venire парца к Се-йиду Аге, да буду я жертвой их благословенных, никакой пользы от них.

А старшие, бывалые женщины села думали иначе:

- Эй-Богу, мое дитя не живет! Если не помнит прошлого, значит, не живет, нет у него ни настоящего, ни будущего!
- Лучше и он был стал шехидом, как мой внук... Так хоть знали бы, что на том свете пребывает в раю! Нежный парень, ни жив, ни мертв... Не жить это, клычусь, не жизнь! Так жить невозможно! - эти слова Молды Ходжагула сказаны на поминках своего внука и вестя об этом дошла до Месме. Несчастная женщина не могла унять слез.

За день до последнего вторника перед праздником Новруз, когда врач, завершив свой последний сеанс, расстегивая вышла из комнаты газа, Месме сказала:

- Доктор, вы не утруждаетесь больше... Вот уже более месяца ходите и никакого толку. Не мучайте больше ни себя, ни мое дитя.

- О чем вы говорите?! Кто вы? Вы его понаше выводите на свежий воздух, пусть нормально питается, и результат обязательно будет.

- Милая моя, не могу я его из дома вытаскивать. Он замкнулся в себе. Что же мне, горемычной, делать, как мне быть?!
"Даже Книги различают женщин друг от друга. Разве можно сравнивать звезды?" Молодая горожанка сидела в кабинете, выделенном для нее в сельской

больнице, и размышляла. Ей думалось, что даже женщины-близнишек - и тех можно отличить друг от друга. Из разговоров и намеков Месме ханум в последнее время она пришла к выводу, что между горожками и сельскими женщинами существует значительная ментальная разница; порой сельские женщины, абсолютно не стесняясь и не краснея, горят все что думают прямо в лицо. К примеру, Месме порой и сама не понимает, что говорит, не задумываясь над тем, что обижает всех подряд. "Да, да, се психическое состояние сильно пошатнулось. Другая бы на ее месте вообще умом тронулась... А может, и нет. Мы много учимся, они много знают". В такие моменты Фарида злилась и на себя из-за безрезультатности лечения. "Разве мало сегодня наших газа, ветеранов, нуждающихся в психотерапии? Каждый из них требует отдельного подхода". Порой Фариде казалось, что жизнь до войны и жизнь после войны в корне отличаются друг от друга. Война выворачивает жизнь наизунок. Да и она сама словно жизнь, занесенная в село внезапно взбешенным городским ветром. А ведь она была врачом-победителем страны-победительницы, причем одной из лучших в своей сфере. "Так отчего же не смогла вылечить газа? Ни один из моих методов лечения не помогает. Нет, завтра же уеду отсюда".

Среди путающихся мыслей молодой женщины было также немало вопросов; эти вопросы терзали ее, и порой Фариде казалось, что все вокруг, как все ее существо, понахает огнем. "Ведь мы победили в войне! А разве победитель не проливает кровь? Разве не несет потери, не теряет хребта сынов? Разве не имеет и газа, и хребтов, и трупов, и предателей, разве не иснивает также горькую чашу потерь?" До войны у нее даже в мыслях не было этого, ведь они отправлялись на правый бой - улыбаясь, с выскокой подбитой головой, с огромным энтузиазмом и воодушевлением отправлялись изгнать врага из своих родных краев. Они имели на это право и они это право завоевали! "А затем жизнь абсолютно меняется, и ты начинаешь думать не о приобретениях, а сожалеть об утраченном... В особенности, если среди успешных были близкие тебе люди. Я не осуждаю и мать газа. Те, кто говорит, что война закаляет человека, делает сильным, бессовестно лгут. Кто сказал, что война - это еще и внутренний покой, умиротворение? Какой там покой, какое

к черту умиротворение? Враг еще не повержен..."

С каждым днем состояние газа все более и более ухудшалось; Месме не могла сдержать слез, глядя на пошнicken стени своего сына. Бывали дни, когда она словно разум теряла, посылала по двору как утешенья; бранила и жила до дочери, то случайно заглянув к ним соседней, а порой металась и плакала навзрыд. Муж пытался успокоить жену, говорил:

- Не плачь при ребенке! Перестань, возьми себя в руки, вот сколько людей и вовсе потеряли своих детей, твой хотя бы живой вернулся. Все толком и говорят о храбрости и доблести нашего сына, государственного наградами-медальными, газета, телевидение вешают о нем. Нам чуть ли не поздравляют...

- Вот уж повезло так повезло! Лучше бы наш сын без руки, без ноги бы вернулся, а не без памяти.

Между мужем и женой часто случались такие разговоры.

В селе было немало женщин, думающих так же, как она. Матери шехидов рассуждали примерно так же. "Из одной маленькой деревушки полетело двенадцать молодых ребят! Матери провожали их на войну с напутствием: "Со шитом или на шите". Вот они и стали шехидами, но победу завоевали. Месме сама рассказывала доктору Фариде, что покрытый трехцветным флагом гроб внука того самого Молды Ходжагула на кладбище несла на плечах его мать. Да и зять ее зюловки тоже стал шехидом, его гроб несла на плечах его жена..."

Каждый раз по возвращении от газа Фарида подолгу размышляла о том, не вернуться ли ей в город.

Внезапно ей стало душно в комнате. Она пошла к окну, чтобы распахнуть его, как вдруг сзади раздался какой-то звук.

Кто-то очень робко стучался в дверь. Молодая женщина отскочила от своих мыслей и повернулась к двери. В дверь снова тихонько постучали.

- Кто там? Заходите... - сказала она громко.

- Доктор, здравствуйте! - заговорила бледная девушка небольшого роста, войдя в кабинет. - Простите за беспокойство. Я решила прийти к вам сюда для серьезного разговора.

Хотя врач и не скрывала своего удивления, однако приятно, привлеченное личико девушки пробудило в ней симпатию, и она заинтересованно ответила:

- Слушаю вас.

- Меня зовут Илаха.

- Очень приятно, Илаха. В чем дело? Вас что-то беспокоит?

- Нет, это личный вопрос, Фарида молчала.

В комнате повисла тишина.

- Видите ли... я хочу сказать... человек никогда не забывает ту, что бемерно любила...

- Верно...

- Я... мы учились с ним в одном классе. Мы... мы любил друг друга. Когда он уехал в армию... он сказал мне...

Девушка снова замолчала. Какое-то время врач и девушка молча смотрели друг на друга. Глаза Фариды внезапно заискрились, взгляд ожилась, душа затрепетала как бабочка... В эти минуты ей словно подарили дорогой подарок, а она со сладостным и нетерпеливым интересом пыталась его вскрыть.

- Илаха, я понимаю, а тебя прекрасно понимаю.

- Спасибо. Я хотела узнать, как он, есть ли хоть какая-то надежда?

- А почему же сама не сходишь и не поинтересовалась?

- Как же мне туда пойти? Его мать меня недолюбливает... Она наметила в жены для сына свою племянницу, а та убежала с другим и вышла за него замуж... А мы любим друг друга... Клянусь

Богом, у меня предчувствие, что если он меня увидит...

В комнате повисла глубокая тишина и никто не желал ее нарушать. Фарида, несомненно поразмыслив, улыбнулась, быстрыми шагами подошла к девушке и решительно заявила:

- Завтра я сама тебя туда отвезу. Пойдешь со мной?

- Пойду...

Утром первого дня праздника, когда доктор вместе с Илахой вошли во двор, Месме скривила губы и шепнула мужу:

- А эта чего явилась?

- Ну пришла... не гать же ее...

Гази, увидев их, быстро встал и потер глаза. Казалось, перед ним сверкнула молния и все его существо пронзило током. Его глаза засияли.

- Погляди, кто пришел, - улыбнулась врач.

- Илхам, ты узнал меня? - Илаха сняла маску, шагнула вперед и встала у табуретки, стоящей перед ним.

Гази уставился на девушку, его взгляд постепенно разгорался, смичался, словно что-то таяло в глубине его зрачков; на девушке было голубое платье, длинные черные волосы она как школьница заплетла в две косы, которые повисла белыми ленточками, а в руках держала школьный портфель, как будто только что вышла с занятий. Она, открывая портфель, изволнованно сказала:

- Гази, что я тебе принесла! - и стала доставать содержимое портфеля и складывать на табуретку перед ним. Там были калган молочно-голубого цвета, с фиолетовой каймой, солдатынские очки в розовой оправе, турецкий парфюм с надписью "Бахчисарай", маленькая, разноцветный альбом для фотографий, написанное от руки письмо на клочке бумаги и буся из искусственного жемчуга...

Парень изволнованно воскликнул:

- Илаха!

Девушка сжала его руку в своих руках.

- Ты узнал меня!

- Как я мог тебя забыть?

- Да, первую любовь не так просто забыть...

- Первую и последнюю... - добавил он.

- Скажи, ты помнишь, что сказал мне в школьной библиотеке перед отправкой в армию?

- Я сказал... я обещал... Я верен слову...

Девушка, не обращая внимания на окружающих, кинулась ему на шею и со слезами на глазах воскликнула: "Мой любимый газ! Значит, ты все помнишь!"

Парень делал всем телом, словно молния, совсем недавно сверкавшие в его мозгу, внезапно куда-то исчезли, и в его душе заморозил мелкий дождь, ларици желанную прохладу. Он крепко обнимал девушку за талию и не хотел отпускать.

- Я помню: на последнем звонке ты была в этом голубом платье, помню и эти лица, которые я попарил тебе. Как хорошо, что ты их сохранила! О Господи, я вспомнил все: как мы ходили в школу, как играли в снежки, дубовую рошу позади вашего дома, как я ужал в армию, войну, письмо, которое написал тебе, друзей, дорогу на Шуну... О Боже! Как же я люблю тебя! Как мне тебя не хватало!

- И мне тебя!

Девушка смеялась сквозь слезы. Доктор из города чувствовала себя как рыба, сорвавшаяся с крючка и вернувшаяся в родную заводь; она тихонечко вышла из комнаты. В окна стучался первый весенний дождь...

Баку, март, 2021

Перевод Поэты АХУНДОВОЙ